

круглый стол

Россия, ЕС и страны Центральной и Восточной Европы: новая парадигма развития

Круглый стол

«Россия, ЕС и страны Центральной и Восточной Европы: новая парадигма развития»

Оганесян Армен Гарникович, главный редактор журнала «Международная жизнь»:

Хочу попросить г-жу Шишелину открыть наше обсуждение с рассмотрения темы - «Страны ЦВЕ в новых геополитических реальностях и их отношения с Россией».

Шишелина Любовь Николаевна, заведующая отделом восточноевропейских исследований Института Европы РАН:

Сегодняшняя тема выносится на достаточно высокий межинститутский, межакадемический уровень. Дело в том, что у меня особое, трепетное отношение к

этой теме. В прошлом году мы отметили 15-летие конференций, которые я начала в 1995 году. Они назывались «Россия - Центральная Европа в новых геополитических реальностях». За 16 лет мы выпустили 8 томов этого издания. Это не только проект Академии наук и отдельных институтов нашей Академии, это попытка собрать еще в 1995 году (а если вспомнить сейчас, что происходило в 1995 году - это был как раз период наибольшего спада в наших отношениях с Восточной

Европой), отыскать тех людей, которые хотят вести диалог, которые хотят предлагать какое-то новое развитие отношений между нашей страной и странами Восточной Европы.

Вновь возрождается очень большой интерес к региону, и это неслучайно. Неслучайно, потому что сейчас мы переживаем новую геополитическую ситуацию, которая связана с очень многими обстоятельствами, в том числе и с разразившимся экономическим кризисом, который поставил в очень сложную ситуацию весь Европейский союз. И заставил по-новому взглянуть на отношения с вновь принятыми странами весь Европейский союз. Это произошло еще год-два назад, в юбилей приема стран-членов из числа Восточной Европы. Западная Европа вновь и вновь переосмысливала, где ее ошибки и признавала, что, наверное, ошибка была в необдуманности расширения. Безусловно, нужна была какая-то новая форма отношений между ЕС и этими странами. Сегодня вновь поднимается вопрос о тех восточноевропейских странах, которые не вступили в зону евро - каковы будут их дальнейшие отношения с ЕС? Ведь уже заявили те

страны, которые не входят в зону евро, - это, прежде всего Польша, Венгрия, Чехия, Латвия, Литва, Болгария. Румыния - о том, что в тех условиях, когда Европейский союз вводит новый механизм, он фактически вводит общую экономическую политику. Перед этими странами встает новая проблема - проблема проведения новых референдумов, то есть в тот ли ЕС они вообще вступали?

ЕС в эти дни предстает для этих стран как некая постоянно убегающая мишень. Второе обстоятельство, которое проявилось в последнее время и очень отчетливо выразилось в констатации того факта, что США отказывают в помощи ЕС по выходу из кризиса. Это говорит о том, что возникает серьезный кризис между двумя берегами Атлантики (так называемая «атлантическая идея»). Страны Восточной Европы оказываются опять на стыке двух тенденций - между тенденцией к «атлантизации», как своей основной геополитики, и евразийской геополитикой. Эти две тенденции, как никогда, входят в противоречие, в конфликт, и сами эти страны будут предлагать какое-то новое решение, и те, кто находится ближе к Атлантике, и те, кто нахо-

дится на евразийском пространстве. Потому как сегодня будет развиваться ситуация на евразийском пространстве, будет ли здесь достигнуто какое-то интеграционное единство, от этого зависит и дальнейшая судьба стран Центрально-Восточного европейского региона. За время членства их в ЕС достаточно окрепли страны и сами по себе, особенно если говорить о Польше, которая получила практически шестую часть всех дотаций из фондов ЕС. Они стали иначе говорить с ЕС. И уже сегодня невозможно представить себе такую ситуацию, как в свое время позволил себе Жак Ширак, который отнесся к инициативе восточных европейцев по участию в иракском конфликте так: «А вы бы лучше помолчали». Сегодня уже такую ситуацию трудно представить. Страны набирают свой вес и все больше показывают экономические тенденции, показывают, что этот регион все больше обособляется, особенно обособляется Вышеградский регион. И Вышеградский регион начинает играть новую роль в ЕС как региональная структура. В нашем институте вышла в прошлом году книга «Вышеградская Европа: откуда и куда. Два де-

сятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии». Вышеградская Европа начинает играть роль координатора реформ на этом пространстве постсоциалистической системы. Не случайно, что в преддверии саммитов ЕС всегда собираются страны Вышеградской Европы и приглашаются туда страны Прибалтики, с приглашением Болгарии, Румынии и Словении. Это один из новых геополитических факторов, который, очевидно, при кризисной ситуации будет играть значительную роль в европейской политике.

Безусловно, и то, что этот регион раскололся, и сегодня мы видим Восточно-Центральную Европу и Юго-Восточную Европу – Вышеградский и балканский регион, иначе говоря. Регион сегодня расколот, и наибольшая динамика наблюдается в его восточно-центральной части. Это что касается геополитических реалий.

В регионе проявляется попытка Польши заявить о себе как о действительном интегрирующем центре на этом постсоциалистическом пространстве. По истечении определенных размышлений по этому вопросу, мне кажется, что когда-то мы

встанем перед вопросом, поддерживать ли нам интеграционные усилия Украины или эту роль Польши. Россия рано или поздно должна будет принять какую-то из сторон.

Что касается отношений с Россией, меня немного повергла в смущение постановка вопроса – «идея предложения снижения оппозиционности Москвы». Страны региона достаточно разборчивы в том, что им предлагается. Безусловно, они прошли по пути определенного опыта. Что важно, если раньше они считали, что, выйдя из социалистической системы, они имели только негативный опыт, сейчас у них есть возможность сравнивать. И не всегда мы выглядим в этом опыте хуже того, с чем эти страны сталкиваются сегодня. Поэтому у них есть как бы некий резерв выборочного отношения к тем инициативам, которые исходят с нашего пространства. Надо сказать, что в наших отношениях, в общем, преодолена тенденция к разобщению. Сейчас обратная тенденция к сближению. И здесь надо быть очень осторожными, конструктивными и умными, чтобы эту тенденцию не разрушить. Не повернуть ее вспять, а воспользоваться этими об-

стоятельствами.

Оганесян А.Г.: Следующая тема выступления: «Страны ЦВЕ, региональные особенности и новые ориентиры».

Хотькова Елена Сергеевна, начальник отдела евроатлантических исследований РИСИ:

В этом, 2011 году отмечалась годовщина образования Вышеградской группы, и для стран Центральной, и Восточной Европы это актуально. Была задача возвращения в Европу, задача вхождения в западноевропейские трансатлантические структуры. Казалось, что цели достигнуты, и все задачи решены, как говорил Ф.Фукуяма, – «конец истории». Соглашусь с Шипелиной, что речь идет как бы об ускользающей цели, будь то НАТО, будь то Европейский союз. Вступали страны в одну организацию, оказались – в другой. Вступление в НАТО первой группы стран ЦВЕ сразу же по времени совпало с агрессией против Югославии, вступление в ЕС повлекло за собой и

последствие обсуждения Лиссабонского договора. Как вели себя страны ЦВЕ в период обсуждения принятия Лиссабонского договора, тоже говорит о многом. Мир настолько быстро поменялся, что страны ЦВЕ, как, впрочем, и Европа в целом, столкнулись с новыми вызовами. Прежде всего, это связано с тем, что не добились решения тех задач, которые ставили в 2000-х годах, в период президентства Дж.Буша, - создания особых отношений с США. Помимо натовских гарантий, государства ЦВЕ рассчитывали на специальные привилегированные отношения с США. Это связано с проблемой ПРО, но и более широкий контекст также уместен.

Приход Президента Б.Обамы и провозглашение политики «перезагрузки» стало «холодным душем». Страны ЦВЕ вынуждены были отвечать на этот вызов, приспосабливаясь к новым условиям. Вступая в Европейский союз, они, собственно, рассчитывали на то, что привнесут туда и свое видение отношений к России, говоря прямо, подчас откровенную русофобию. Позиция странная, поскольку во многом они достаточно независимо ведут себя по отношению к Брюсс-

селю и активно ему оппонируют. Мы знаем примеры Польши и Чехии в период обсуждения Лиссабонского договора. Говоря о сегодняшнем дне, Словакия на саммите ЕС по Греции добилась для себя исключений в рамках общей программы стран еврозоны для урегулирования греческой задолженности. Идет постоянный поиск определенной ниши, акцентирование своего особого статуса в рамках ЕС, умения отстаивать свои национальные интересы.

Но в то же время на чем только государства ЦВЕ не настаивали и чего только не требовали от Европейского союза, чтобы говорить единым голосом в отношении России. Такое очевидное противоречие: везде - особое мнение, но давайте единым голосом говорить с Москвой. Такова европейская реальность.

Что представляется важным для будущего наших отношений с этими странами? Бесспорно, сейчас в странах ЦВЕ есть запрос на поиск баланса, попытки уравновесить свой атлантизм, придание большей «европейскости» внешней политике. Для нас ключ к решению проблемы, выстраиванию отношений заключается в идее, прозвучавшей в статье

В.В.Путина о Евразийском союзе, - идее создания Большой Европы. Если страны ЦВЕ говорят о том, что они все больше учитывают и демонстрируют «европейскость», они должны вместе с тем видеть место России в Большой Европе как продолжение, усиление позиции Европы в изменившемся мире, когда США свое основное внимание переносят на другие континенты, в другую часть мира. В этом смысле представляется очень важным посмотреть на программу «Восточное партнерство» - речь идет о мягком и тонком оппонировании этой идее и правильной расстановке акцентов.

США по-прежнему рассматривают Центральную и Восточную Европу как риф, как барьер на пути объединения и создания Большой Европы. Все время держать эти страны, мобилизуя их на увеличение этого разрыва. В планах этих стратегов - простая вещь. Обострение ситуации, они предполагают, возникнет в период окончания текущего десятилетия: США выводят войска из Афганистана, идет этап размещения элементов ПРО в Европе. Сроки - 2015-2018 годы, когда США возвращаются к европейским проблемам, и опять

возрастает роль Центральной Европы, всех стран от Балтики до Румынии и Болгарии для решения этих новых задач.

Настораживает, что это не только вопросы безопасности, это вопросы экономики, это ограничение нашего сотрудничества в энергетике. Это и вопросы гуманитарной сферы: на совещании стран Вышеградской группы в октябре этого года была подписана платформа по изучению исторического прошлого, цель которой в приравнивании советского тоталитаризма к фашизму. Некоторые наши публицисты делают выводы, что речь идет чуть ли не о подготовке «нового Нюрнберга».

Что возьмет верх: общеевропейская тенденция, объединение и желание выйти из кризиса сильной и Большой Европой или усиление тенденций на раскол Европы? Еще раз подчеркну, регион - сложный, ситуация сейчас на распутье.

Поволоцкий Григорий Игоревич, шеф-редактор журнала «Международная жизнь»:

Я хотел бы остановиться на следующих трех, как мне представляется, важных моментах.

Первое. Прежде всего, о самом понятии Центральной и Восточной Европы. Когда заходит речь о Восточной Европе или Центральной и Восточной Европе, как правило, никому не нужно пояснять, с чем мы имеем дело. Это понятие уже нагружено неким смыслом, однако ни в социальных науках, ни в практической политике не существует единообразного представления о границах этого явления. Понятия или определения Центральной и Восточной Европы являются ярко выраженными политическими концептами и несут весьма определенный политический смысл. Восточная Европа, «открытая» в таком качестве в начале XVIII века, сначала воспринималась как «внутренний Восток» или «Восток Европы», непосредственно примыкающий к османским владениям и территории России. Появившиеся тогда элементы восточноевропейского дискурса до сих пор довлеют над сознанием людей Запада, из века в век разделяя Европу на две половины.

На протяжении всего 20 века понятие Восточной Европы применялось лишь с одной

политической целью положить раздел между Европейскими государствами и Россией, вытеснить ее из Европы. Почему? На этот вопрос, как мне представляется, хорошо ответил в 1904 году один из основателей теории геополитики англичанин Хэлфорд Джон Маккиндер в книге «Географическая ось истории»: «Наиболее важный контраст, заметный на политической карте современной Европы, - это контраст между огромными пространствами России, занимающий половину этого континента, с одной стороны, и группой более мелких территорий, занимаемых западноевропейскими странами, - с другой».

Существовавшие ранее представления о Центральной Европе в их не германистских версиях, утратили свою идеологическую силу с исчезновением самой Австро-Венгрии. Одним из первых, если не самым первым, кому удалось оживить дискурс Центральной Европы в ее новом понимании, стал Милан Кундера в статье «Трагедия Центральной Европы». За ним потянулись и другие представители интеллигенции, создавшие миф о «Центральной Европе», которая по уровню культуры и цивилизованности ничем не

уступала Западной, но была насильственно вырвана из привычного для себя культурного, политического и экономического контекста («с приходом Красной Армии»). Политической целью правящих элит стран «Восточной Европы» после падения социалистической системы стало избавление от слова «восточный», символизировавшего коммунистическое прошлое. Компромиссом с этой интенцией и принятым ранее названием региона стало понятие «Центральной и Восточной Европы», хотя Госдепартамент США из политических соображений в 1994 году отказался и от него, приняв инструкцию, в которой предписывалось использовать вместо понятия «Центральная и Восточная Европа» определение «Центральная Европа».

Второй момент. Как можно преодолеть разделение Европы, противодействовать продолжающимся попыткам недопущения России в Европу, выталкивания ее с европейского политико-экономического, гуманитарного и культурного пространства. Мне кажется, наиболее действенным эффектом будут обладать шаги России по изменению геометрии европейской геополитики,

продвижению идей по созданию глобальной системы нового регионарирования. Позитивные опыты в этом направлении уже есть – возьмем хотя бы БРИКС – международную организацию новой политической геометрии. Есть у России и ресурсы – энергоносители, финансовые ресурсы, а так же, как представляется, очень значимый ресурс – русскоязычное пространство в государствах ЦВЕ. Особое значение имеют и российские диаспоры в этих странах. Возможно, например, создание технологических мегапроектов, руководимых российской стороной, которые увлекли бы за собой в сферу пророссийских экономических интересов два-три государства ЦВЕ. Тем более что большинство научно-технологических школ в государствах ЦВЕ, по мнению РАН, пока остаются русскоязычными. Еще одно краткое замечание касается вопросов размещения системы американской ПРО на территории государств ЦВЕ. Дело в том, что СССР никогда не размещал за пределами своих границ стационарные либо передвижные комплексы стратегических военных систем. Тактическое ядерное оружие размещалось СССР только на территории Германии и

Польши, да и то на временной основе и под абсолютным советским контролем, без системы двойных ключей (к чему США, в свою очередь, наоборот приучили западноевропейские государства). Размещение в сегодняшних условиях системы оперативно-стратегической ПРО США на территории государств ЦВЕ – это создание новой угрозы не только в отношении, скажем, России, но и всей Европы в целом. У стран ЦВЕ отсутствуют опыт и школа обращения с подобными системами, нет опыта в их обслуживании. Особенно это касается Румынии.

Один из классиков европейской геополитики начала 20-го века, князь Николай Сергеевич Трубецкой в статье «Европа и человечество» (София 1920 год) отмечал: «Объективных доказательств превосходства европейца над дикарями нет и не может быть потому, что при сравнении разных культур между собой европейцы знают лишь одно мерило; что похоже на нас – лучше и совершеннее всего, что на нас не похоже». Очень хотелось бы, что бы эта черта, присущая сегодня отдельным представителям элиты государств Центральной и Восточной Европы была изжита.

Оганесян А.Г.: Создается впечатление, что кризис накладывает отпечаток на все интеграционные процессы. Когда я был в Белграде на Форуме Безопасности, куда как раз приехал министр иностранных дел Вышеградской пятёрки, выступали немцы. Создавалось такое впечатление, что предлагают перепрыгнуть через какую-то пропасть, потому что те лозунги общеевропейского светлого будущего уже вызвали если не вопросы, то некоторый скепсис. Выступали из Загреба, из Хорватии интересные представители академических кругов, которые наметали на то, что очень все благостно. Хорватия, как вы знаете, собирается войти в Евросоюз. Конечно, опасения того, что Европа в кризисе и углубления этого кризиса, конечно, беспокоят новых членов молодой Европы. У меня вопрос в связи с евразийским и евроатлантическими проектами. Какой проект выигрывает, не оторвет ли он кого-нибудь в глазах Евросоюза? Как представить себе взаимодействие этих двух проектов – евразийского и евроатлантического, евроцентрического? Как они могут взаимодействовать? Какие страны более расположены к евразийской практике и почему?

Шипелина Л.Н.: Этот проект возник еще у Петра Савицкого в его первых положениях о трансконтинентальном сотрудничестве: первоначально могут возникнуть два интеграционных центра – один вокруг Москвы, другой – вокруг Берлина. (Когда писал Савицкий, центр этого пространства был явно Берлин, сейчас его перетягивают на другой берег Атлантики.) А затем речь может идти о построении трансконтинентального союза государств. Об этом писалось еще в межвоенный период. Конечно, время идет, многие идеи устаревают, когда уже идет иная ступень технического развития. Но главное, что же будет на нашем российском пространстве, все в первую очередь зависит от этого. Сможет ли Россия стать привлекательной для этого проекта? И если не станет, то тогда и сам проект не состоится. Говорилось о том, что русские диаспоры в странах Восточной Европы и Западной Европы выискивают какое-то для себя удобное положение в этих странах. И их отношение к нашим проектам, в общем-то, никакое. А что тогда нам собственно продвигать в этом пространстве? Не понятно, где пройдет эта граница. Так видели этот

проект наши отечественные геополитики-эмигранты Савицкий и Трубецкой. Совершенно очевидно, что сейчас идет такой геополитический перелом, и, как показывает история, всегда на этих геополитических переломах реализует себя восточно-центральное-европейское пространство. В этой связи оно само смоделирует, где пройдет эта граница между двумя пространствами. Либо потребуются какие-то дополнительные усилия, уже когда станут определяться центры, чтобы оно образовалось.

В обоих регионах идет реструктуризация пространства. Русский геополитик, один из основателей евразийства Петр Савицкий, рисуя модель трансконтинентальной интеграции, делил сферы немецкого и российского влияния по линии Познань - Богемские горы - Триест. Сегодня регион сделал большой шаг на Запад и словно приостановился, оглядываясь на Восток.

Что касается российского подхода к региону, то, с одной стороны, России необходимо возвращение к континентальной политике, в которой странам ЦВЕ отводится роль одного из приоритетов. С другой стороны, статус державы обяза-

вает вписывать эти отношения в схемы взаимоотношений не только с ЕС, но и с трансатлантическим партнером ЕС - США.

Россия пока не может освоиться с новой ролью в самих двусторонних отношениях, с порой звучащими в них ультимативными нотами и все еще существующими стереотипами. Континентальная политика обходится напряженными интеллектуальными и финансовыми усилиями, но она является ключом к выстраиванию новых отношений с остальным миром. Это должно подсказывать логику действий, заключающихся не только в следовании открытым вариантам, рефлексивным действиям, но и способности к компромиссам и требующим кропотливой работы решениям.

Орлик Игорь Иванович, главный научный сотрудник Института экономики РАН:

Нужно иметь в виду, что есть две евразийские концепции. Савицкий, Вернадский, Трубецкой, Флоровский не стояли за

евразийское пространство, включающее в себя страны Западной Европы и даже страны Восточной Европы. Все эти люди отстаивали евразийское пространство в рамках Российской империи. И неслучайно они поддерживали Сталинскую идею «федеративного устройства России». Поэтому неоевразийцы добавили к этому и другую часть Европы, включая Восточную Европу. Размышления Дугина, которые он публикует, свидетельствуют о другой концепции. Эта уже другая концепция евразийства. Поэтому здесь нам, научным работникам нужно очень четко представлять себе, где грань, между той концепцией, которую предлагали классики евразийства и той концепцией, которую сейчас провозглашает наш премьер-министр.

Оганесян А.Г.:

Я с Вами, на самом деле, согласен: евразийство как понятие в российском философском, культурологическом дискурсе родилось в совсем другом контексте. Скорее, как контрапункт Западной Европе. Но мы сейчас отталкиваемся от идеи «Большой Европы». Де Голь, что потом говорили Д. Медведев и В. Путин «от Лиссабона до Владивостока». У меня вопрос был:

кто может поддержать идею «Большой Европы» в молодой Европе? Кого это может заинтересовать? Заинтересует ли это Польшу? Заинтересует ли это балканские страны? Или наоборот, это по-прежнему будет непреодолимым барьером для видения «Большой Европы»?

Орлик И.И.:

Все будет зависеть от того, как будет развиваться Евросоюз.

Хотькова Е.С.:

Мы говорим о том, что Евросоюз вошел в стадию турбулентности. Сейчас очевидно, что Европейский союз тоже разбивается не на Восток и Запад, не на новых и старых, а на Север и Юг. Проговариваются вопросы об изменении зоны евро, это будут северные евро совершенно другой конфигурации. Польша говорит о том, что надо объединяться и больше смотреть на Скандинавию – вырисовывается совсем другая конфигурация, в том числе, экономическая. Мы не будем вступать в зону евро, но, как говорят поляки, «мы не будем захлопывать дверь, но оставим ногу в дверном проеме». С другой стороны, Венгрия, которая говорит о развороте на Восток. В нашем представлении: Восток – это и мы. Потом мы увидели шаги венгерского правительства,

когда «Сургутнефтегаз» был вынужден распрощаться с акциями «МОЛа». В то же время, как был оформлен визит китайской делегации в Венгрию, т.е. разворот на Восток – это взгляд уже помимо нас, в Китай.

Глинкина Светлана Павловна, заместитель директора по научной работе Института экономики РАН.:

Мне кажется, что мы можем бесконечно спорить о деталях, если вообще не подключим сюда экономику. Я, конечно, с большим уважением отношусь к геополитике, но геополитика вне экономики – это немного странная вещь. Я не говорю о том, что только экономические факторы решают, но без них говорить о том: развалится ли Европа? Хотел ли кто-нибудь прислониться плечом к России или нет? Это, по-моему, литературно-художественные изыски. Поэтому с точки зрения экономики, что нужно видеть – Любовь Николаевна сказала, что этот регион все более обособляется. С экономической точки зрения

он абсолютно интегрирован транснациональными корпорациями в мировую, прежде всего, экономику и в европейскую группировку, поэтому ни о какой обособленности речи быть не может. Какая обособленность, если доля банковского капитала в регионе в целом 80%, а в таких странах, как Эстония, Чехия, Хорватия – 98-99%. Можно все что угодно говорить по поводу того, что сейчас Хорватия, уже подписав соглашение о членстве в Европейском союзе, очень недовольна условиями, поскольку здесь и вопросы рыборобовства не решены должным образом. Собственно, население не знает даже текста, даже специалисты этого текста не видели, пожалуй, там очень сильная оппозиция. Так вот говорить можно все что угодно, если банковская система на 98% находится под контролем иностранного капитала, то у страны очень ограниченные возможности хотеть или не хотеть что-нибудь. Можно говорить о том, что они хотели вступить в другую Европу, но есть ли возможности разворота на Россию? В нашем экспорте в Европу 90% составляют сырье или энергоресурсы, можно от них отказаться или нет? Все попытки диверси-

фикации у Европейского союза пока не очень-то успешны, они ставят какие-то планки: не более 20% получения ресурсов из одного источника, но это не получается. Следовательно, экономическое переплетение будет, при этом вся обрабатывающая промышленность, сфера услуг абсолютно интегрированы в мировую экономику, прежде всего, транснациональными корпорациями.

Орлик И.И.: Светлана Павловна, буквально две фразы. Я согласен с тем, что экономические проблемы и связи цементируют отношения, но нельзя забывать и о тех серьезных интеллектуально-политических противоречиях, которые проявляются в самое последнее время. Возьмите острые противоречия между Венгрией и Румынией, Румынией и Болгарией, Румынией и Украиной. К сожалению, я не могу объяснить причины этой волны, но сейчас происходит совершенно определенный всплеск не просто дифференциации в рамках Евросоюза, но и тенденции к дальнейшему нарастанию противоречий между странами Восточной Европы.

Шипелина Л.Н.: Говоря о региональном обособлении, я подразумевала

то, что Евросоюз построил отношения с этими странами таким образом, чтобы самому прийти на рынки этих стран, а их на свой рынок не пустить. Поэтому наибольшая доля товарооборота между этими странами все-таки реализуется в самом регионе. Кроме того, в рамках Евросоюза наблюдается такое явление – о чем заблуждались венгерские экономисты – на этот регион приходится продукция гораздо более низкого качества, выпускаемая самими европейскими цехами. Это первое.

А второе: Игорь Иванович, все-таки евразийская идея и трансконтинентальная идея – это разные вещи.

Оганесян А.Г.: Интересная ремарка. Во время форума абсолютно отчетливо проявлялось сближение между Чехией и Венгрией, несколько раз это подчеркивалось на уровне министров иностранных дел. Видимо, там действительно существуют «внутренние союзы и союзники», как сказал бы классик марксизма. Я с Вами согласен, эта кластерная система современной экономики, которая всех ко всему подвязывает, создает взаимозависимость и объективно укрепляет союз.

Но современное состояние экономики слишком по-

движно, если бы оно было в стадии глубокой стабильности или мы имели шанс надеяться на развитие по экспоненте. Но это невозможно: истощение ресурсов будет влиять и на ткань, и на состояние экономики. Как сказал экономист Боули Артур Лайон: «Тот, кто надеется, что мир бесконечно будет развиваться по экспоненте, сумасшедший или экономист». Мы понимаем, что приходит конец стабильному по экспоненте развитию экономики, как мы привыкли в прошлом веке. Будет другая экономика и другие подходы. Может быть, зависимость будет более жесткая и требовать ее будут более жестко. Это не значит, что будет процесс расслабления: сильные будут больше диктовать слабым. Но и слабые уже чувствуют свое беспокойство от заявлений: нас ждет стабильность, нас много – мы выстоим. Это «много» оказывается – по примеру Португалии, Греции и Италии – оборотной стороной силы. Хотя интеграция всегда считалась силой, сейчас это опровергается. В этом плане вопросы идентичности, которые подняли в Европе и которые провоцируют территориальные претензии к Сербии, претензии венгров к Украине, румын к Украине.

Это поиски своей идентичности. Вся Европа в этом поиске. Это вопрос безопасности, потому что когда вы определяете свою идентичность, вы определяете себя в отношении своих соседей, дальних и ближних, особенно ближних. Геополитика не такая вещь, которая ничего не определяет, иногда люди теряют «экономическую голову» и бросаются в такие страсти, что никакая экономика не сдержит. В этом плане я с Вами абсолютно согласен, Ваш анализ верен. Когда Вы будете выступать, я бы хотел, чтобы была освещена позиция России и состояние брожения в Европе, экономического, политического и идентификационного.

Стерник Александр Вадимович, заместитель директора Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России:

Позиция центрально-восточных европейских государств в отношении вопроса безопасности в какой-то степени двуединая. С одной стороны, они вполне до-

вольны гарантиями безопасности, которые дает им НАТО, партнерство с этим альянсом, чтобы надежно себя прикрывать со всех направлений. С другой стороны, они отдают себе отчет в том, что разные уровни безопасности в Европе чередуются периодическими рецидивами напряженности. К тому же они вынуждены учитывать и международный контекст, и экономическую составляющую безопасности.

Глобальный финансовый кризис накладывает определенные ограничения на увеличение оборонного бюджета, делает более обременительным гипотетическое планирование военных машин друг против друга. Странам ЦВЕ не безразлично, как себя чувствует Россия в общей системе координат, к каким последствиям приведет понижение порога вмешательства НАТО в региональные дела. Россия взывает к странам НАТО, предлагая построить гарантированную архитектуру безопасности, равную для всех. НАТО не видит в этом необходимости, усматривая в этом добровольное ограничение свободы действия, свободы маневра. Реакция ЦВЕ на этот подход продиктована степенью их интегрированности в

НАТО. Скажем, Хорватия позитивно отнеслась к российским инициативам, большинство стран Балканского региона были сдержаны, разумеется, НАТО выступила против, страны ОДКБ поддерживали, Украина с определенными нюансами тоже высказалась за развитие этой инициативы в рамках юридически обязывающего документа. Таким образом, существует определенная разногласия в группе наших оппонентов и союзников по этому вопросу. Европа нуждается в пакте безопасности после эпохи холодной войны, поскольку отсутствует универсальный механизм, способный обязать все государства следовать ранее принятым политическим или юридическим обязательствам мирного плана. НАТО, какой бы могущественной не была и каким бы ресурсом не обладала в течение ближайших нескольких лет, не в состоянии решать за всех, рамки ее международно-правовой легитимности очень ограничены. Важный момент состоит в том, что многие страны ЦВЕ констатируют несовершенство действующей системы архитектуры безопасности, как она выглядит сейчас. Сбои, которые происходили в прошлом, в том числе и в

виде агрессии НАТО против Югославии или Грузии, против Осетии и Абхазии, было легче избежать, будь у нас в руках механизм регулирования действий каждого игрока в этом поле. Многие опасаются побочных эффектов от активного вмешательства НАТО в различные региональные ситуации. Этот вопрос тревожит многие государства региона. Спрос на альтернативу росту конфликтности в международных отношениях сейчас, в принципе, просматривается, и просматривается больше, чем пару-тройку лет назад, когда мы выдвигали наши предложения как в контексте Европы, так и шире.

Договор о европейской безопасности (ДЕБ) сейчас пока не востребован для НАТО и Центрально-Восточной Европы, но его востребованность будет расти по мере того, как однобоко понимаемая комфортность и безопасность будет выходить издержками. Сейчас серьезно стоит вопрос о системе контроля над обычными вооружениями и вооруженными силами в Европе, назревают серьезные разногласия с США по элементам ПРО в Европе. Общественность многих европейских стран уже возмущается своим голосом, возражая

против того, чтобы стать побочной жертвой нарастающего противостояния России и США в споре вокруг этих элементов стратегического сдерживания. Нельзя исключать, что ДЕБ на каком-то этапе может лечь на более благоприятную почву. Нельзя исключать и того, что в перспективе появится новая версия ДЕБ, более современная, учитывающая реакцию со стороны НАТО, учитывающая упомянутые обеспокоенности, а также динамику развития нашей страны. У нас есть определенные видения того, куда двигаться дальше. Премьер-министр В.В.Путин недавно изложил свою концепцию на этот счет, и идея ДЕБ вполне гармонична с этим. Так что мы подождем, и нельзя исключать, что в лице некоторых стран Центрально-Восточной Европы мы встретим благодарных слушателей. Но этому сдвигу должен предшествовать сдвиг в сознании НАТО, ощущение того, что их безопасность не безупречна.

Оганесян А.Г.: Мы говорили о возросших претензиях на юге Европы и не только. Насколько они могут изменить отношения этих стран к НАТО и к России, в данном случае к идее ДЭБа? НАТО придется при-

нимать чью-то сторону, это будет очень болезненный процесс. Я понимаю, что право сильного назначать побежденных и победителей. Я с трудом представляю себе войны за территорию, возможно, приграничные конфликты, но не полномасштабные войны внутри блока. Тогда, естественно, пойдут по пути политического давления. Как Вы думаете, этот процесс, действительно, углубляется и к каким он может привести результатам? Или можно его игнорировать и посчитать: как скажут в НАТО, так и будет; это не приведет к большей заинтересованности в альтернативных сферах безопасности?

Стерник А.В.:

Разумеется, мы учитываем в своей (тактической) оптической линии тлеющие конфликтные потенциалы. Есть своего рода «яблоки раздора» в отношениях между Македонией и Грецией, есть Кипр и Турция (член НАТО, блокирующий какие-либо коллективные действия блока в регионе), есть неустроенность внутри Боснии и Герцеговины (будущего кандидата на вступление в альянс) и т. д. Ни в одном из этих случаев НАТО не действует «топорными» методами. НАТО старается политико-дипло-

матическими средствами урегулировать вопросы, чтобы не бросить тень на внутриблоковую солидарность, чтобы не настроить кого бы то ни было в пользу каких-то альтернативных идей и организации собственной безопасности. Сейчас мы добиваемся в Совете Россия - НАТО, чтобы каждое государство говорило в национальном качестве, а не готовилось к встрече с Россией, согласовывая политику, основанную на наименьшем общем знаменателе, что, как правило, ведет к негативному исходу.

Оганесян А.Г.: Вы упомянули Турцию. Турция с новой идентичностью, которую она проявляет, будет влиять на Балканы, на отношения с Грецией, на Закавказье. Вряд ли это будет процесс, смягчающий тлеющие конфликты. Население Турции вызовет неоднозначную реакцию, учитывая историческую память народов этого региона. Как Вы оцениваете роль Турции? И как Турция отнеслась к ДЕБу?

Стерник А.В.:

Турция осторожно отнеслась к ДЕБу: в целом она прикрылась общенатовской позицией, которая сводится к отсутствию необходимости создавать какие-то новые структуры и заключать

новые юридически обязывающие инструменты. Что касается роли Турции, сейчас она очень многогранна. Мы все это видим даже в вопросах, где раньше ее профиль был достаточно скромным: ближневосточное урегулирование или ситуация в Сирии. Мы видим повышение роли Турции в Закавказье и на Южных Балканах – все это, естественно, повод для анализа. Нельзя рисовать одной краской линию Анкары в разных регионах, но то, что турецкое руководство пытается показать самоценность и самодостаточность своей внешней политики, прежде всего, надо рассматривать под углом турецких евроамбиций. В этом смысле, Турция едва ли создаст серьезные проблемы в Брюсселе, в НАТО.

Оганесян А.Г.: Если можно, коротко. Как воспринимаются в Европе евроамбиции Турции? Как воспринимается Старой Европой, в Евросоюзе новая «разбухшая» роль Турции, Анкары во всех направлениях, по многим азимутам? Какие у них перспективы вхождения в Европу? Это им поможет или наоборот?

Стерник А.В.:

Англичане, старинные покровители турков, аргументируют в пользу

еврочленства Анкары именно тем, что она может сыграть неоценимую роль как в регионе исламской культуры, так и плане связующего моста между Европой и Востоком. По той же самой причине немцы или французы доказывают, что включение Турции в европейское пространство нанесет сильнейший удар по евроидентичности региона, его народов и приведет к массовым движениям населения в разных направлениях, в основном в сторону севера. По сути дела, растворяется через десятки лет все то, над чем сейчас так трепетно работают еврогранды. Поэтому перспектива включения Турции до тех пор, пока работает принцип консенсуса, отдален. Хотя англичане имеют свое ясное видение, стратегию. Они надеются: если Турцию удастся включить, то вопросы глубинной интеграции Евросоюза на многие годы можно будет отложить, поскольку переварить турецкое членство потребует колоссальной энергии.

Оганесян А.Г.: хочу предложить слово Елене Юрьевне Гуськовой, руководителю Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН. Тема выступления: «Влияние

Балканского кризиса на страны ЦВЕ».

Гуськова Елена Юрьевна, руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН:

Проблемы стран ЦВЕ нельзя рассматривать вне контекста событий, происходящих в балканских странах. А Балканы трясет уже очень давно. Югославия, а ныне и Сербия, оставлены один на один со своими проблемами. Россия подключилась очень поздно, фактически только в 2007 году. До этого страну побили, разбили, на кусочки растащили и продолжают растаскивать. Внутренние предпосылки, конечно, существовали, но внешний фактор сыграл огромную роль и продолжает играть. Оставшись один на один со своими проблемами, Сербия была готова идти на любые условия, чтобы хоть как-то выжить. Поэтому когда в 2007 году Россия подключилась и сказала «нет» независимости Косова в Совете Безопасности ООН, то

следствием было не просто удивление Белграда, а было еще желание как-то урегулировать свою повернутость к Европе. Они уже обещали отдать Косово, они уже готовы были сделать что угодно, чтобы перестать бедствовать. Начиная с 2007 года отношения между Белградом и Россией стали более тесными, хотя были проблемными. Позицию Белграда никак не улучшила наша политическая и экономическая поддержка, она все время находится в каком-то противостоянии к Европе. У Европы есть много рычагов и механизмов влияния на Белград, а мы как большое государство, исторически всегда поддерживающее Балканы, не имеем возможности этому противостоять. Все процессы, которые идут на Балканах, регулировались и регулируются извне. В том числе и смена власти в 2000 году. Сейчас, когда мы видим события «арабской весны», очевидно, что все начиналось на Балканах в 2000 году. Тот сценарий, который был тогда написан, повторялся. Если сценарий прошел хорошо, американцы его повторяют, и только потом происходит корректировка, если где-то что-то не получилось. Корректировка с Украиной, с Киевом, была в том, что они

поставили на площадь палатки оранжевого цвета, все остальное совпало один к одному. Эти сценарии смены политической власти продолжают действовать. Если сегодня Белград не пойдет на очередные уступки, не пойдет на согласие с независимостью Косова, то уже готова следующая группа политиков, которые придут на смену нынешней власти, которая уступила во всем, кроме Косова. Эти политики уже подготовлены, уже известны их имена, и на ближайших выборах они придут к власти и сдадут все. Россия заняла, наверное, единственно возможную позицию - пусть Белград торгует своей территорией: хочет отдает, хочет продает, хочет меняет - Россия поддержит любое решение Белграда. Но у нас, вероятно, есть и другие рычаги, мы могли бы их более активно использовать. Косово - это не последняя больная точка Сербии. За Косовым будет Воеводина, будет юг Сербии - регионы, населенные мусульманским и албанским населением.

Проблема стоит очень остро - проблема албанского фактора, на которую Европа закрывает глаза. Это и независимость Косова, и дальнейшее восстание ал-

банцев в Македонии. В Тиране заявили, что черногорское руководство должно очень внимательно относиться к албанскому фактору, потому что Тирана отслеживает этот вопрос, и они уже требуют очень небольшому числу албанцев в Черногории предоставление определенных прав автономии. Что ждет Европу с активизацией албанского фактора и объединением вокруг Тираны всех областей с большинством албанского населения? Эта проблема очень важная.

Что касается Боснии и Герцеговины, то там есть одна серьезная тенденция - за те 15 лет, которые прошли после Дейтона, американцы предполагали, что им удастся объединить Боснию и Герцеговину без Республики Сербской, но не удалось. Более того, тенденция такова, что мусульманская часть стала слабее, чем Республика Сербская, и Милорад Додик, которого Запад привел к власти как компромиссную фигуру, стал очень сильным национальным вождем. На Президента Республики Сербской Милорада Додика сегодня смотрят и в Сербии, и в Македонии, и в Черногории как на будущего сильного и перспективного политика. Решить проблему Боснии и Герце-

говины просто давлением не удастся, М.Додик применяет исключительно интересную методику управления государством и лавирования между Сараевым и Бая-Лукой.

Лидерство на Балканах Сербия потеряла. Сегодня таким лидером хочет стать Хорватия. Новый Президент Хорватии Иво Йосипович отличается тем, что предполагает налаживание отношений, делает конкретные шаги и посещает Белград, посещает Сараево и Скопье. Он намерен возобновить тенденцию лидерства Хорватии, которая была до 1918 года. На Балканах вырисовывается другая конфигурация взаимоотношений между государствами, хотя тенденция еще слаба. Самое главное, что на Балканах сейчас доминирует внешняя управляемость. С ними сделали то, чего должны бояться все остальные, - ими управляют: политической системой, экономической системой и внешней политикой. В разных странах по-разному, но управляют.

Один из наиболее важных вопросов: будет ли расширяться Евросоюз в ближайшее время? Манипулируя балканскими народами, предлагают евроатлантическую интеграцию, подразумевая, что вступление в

Европу одновременно означает и вступление в НАТО. Для этого придумана евроатлантическая интеграция, так же как придуман термин - «Западные Балканы».

Оганесян А.Г.:

Спасибо! Хочу обратить ваше внимание, в последнем номере нашего журнала есть очень интересная статья «Косово: исторические, военно-политические и международно-правовые аспекты проблемы» Петра Искендерова, анализирующая этот албанский фактор. Давайте попробуем ответить на вопрос: будет или не будет расширение Евросоюза?

Хотькова Е. С.:

Общепринято говорить о Евросоюзе, как об организации не только бюрократической, но и демократической. Существует опрос общественного мнения - «евробарометр». Так вот, в ведущих странах Европейского союза граждане не поддерживают расширение. Более того, растет число евроскептиков, оценивающих Евросоюз как технократическое, бюрократическое объединение. Недоверие граждан превышает доверие: 43% европейцев склонно доверять ЕС, 45% - не доверяют. Больше всего оптимистов в Словакии и Болгарии, больше всего негатива в Германии, Британии и Франции.

Глинкина С.П.:

Мне кажется, здесь нужно учитывать еще один фактор. Европейский союз расширялся для того, чтобы создать вокруг себя зоны безопасности. Следовательно, если кто-то будет гарантировать безопасность для приращения Европейского союза или тех, кто остается вне приращения, тогда ЕС может выбрать ту или иную альтернативу. Но в принципе для того, чтобы оставаться центром, нужно отвечать как минимум трем требованиям: первое - экономическая мощь; второе - центр должен рассматривать свои интересы дальше, чем административно-политические границы и иметь какую-то миссию. Все это толкает к расширению, но расширение может быть очень разным. Создание режимов заимствования институтов, рынка, права и т.д. на постсоветском пространстве - это тоже своего рода интеграция без обязательств в социальной и финансовой сфере. Я помню, как предыдущий председатель делегации Еврокомиссии в Москве, выступая на конференции, заметил, что интеграция может принимать разные формы, например, протекторат как форма интеграции. Если широко смотреть на эти формы, то я

думаю, в этом смысле Европейский союз будет стремиться усиливать свое влияние.

Шишелина А.Н.:

Поскольку переговоры с Хорватией завершены, то Германия поддержит ее принятие, это завершит формирование сферы германского влияния. Но если посмотреть на последний саммит «Восточное партнерство», видно, что интерес Евросоюза ослабевает к этой затее: у Польши шансов гораздо меньше.

Орлик И.И.:

Я бы хотел продолжить мысль Любови Николаевны. Дело в том, что мы со Светланой Павловной отправляем в МИД целую серию информационно-аналитических записок об отношениях отдельных стран Восточной Европы с Россией. На основании последней партии можно констатировать, что во многих странах Восточной Европы наступило разочарование от последствий их вступления в Европейский союз. Они считали, что Восточная Европа станет Западной, но этого не произошло. Со стороны старых членов Евросоюза есть стремление втянуть тех, кто еще не входит. Но, мне кажется, что разочарование «младоевропейцев» влияет на страны,

еще не вступившие в ЕС.

Оганесян А.Г.:

Давайте перейдем к третьему пункту нашей конференции. Светлана Павловна Глинкина, заместитель директора по научной работе Института экономики РАН. Тема выступления «Экономический кризис: влияние на страны ЦВЕ»

Глинкина С.П.:

Для экономистов Центрально-Восточная Европа прежде всего интересна как эксперимент трансформации, осуществляемой через заимствование институтов рынка и европейских институтов демократии. Глядя на регион, можно, в принципе, сказать, возможно такое или нет или произойдет «мутирование» институтов. С этой точки зрения мировой кризис был очень интересен, потому что избранная модель трансформации прошла через кризис, испытана этим кризисом, и некоторые выводы можно сейчас сделать.

То, что обеспечивало накануне кризиса региону высокие темпы роста, как минимум в два раза превышающие темпы роста в старой Европе, обернулось очень неприятными последствиями: в 2009 году на 4% сократился ВВП региона. Существуют две основные причины. Первая - чрезвычайная интегрированность в рынок Европейского союза, около 80% производимого продукта экспортируется в старую Европу. Последствия присутствия иностранных инвестиций неоднозначны. После того, как на мировом финансовом рынке были фактически «перекрыты все краны», эти страны остались без ресурсов. Что было особенно интересно старым европейцам на рынке этих государств - прежде всего, конечно, сам рынок. Надо сказать, что в этом смысле европейцы неплохо поработали. Если в 1990 году доля этого региона в мировом импорте составляла 0,4%, то уже в 2004-м, к моменту вступления большинства стран в Европейский союз, это было 5%. Мы видим массированное движение товарной массы в этот регион, и прежде всего произведенной старыми членами Европейского союза.

Вторая причина. Использовалась дешевая рабочая сила, даже после существенного повышения цены рабочей силы, рассчитанной как затраты в единицу рабочего времени. Здесь сохраняются гигантские различия: например, между Болгарией и Германией (также Францией или Австрией) в 14-16 раз. Между Румынией и названными странами - в 8-9 раз,

между Балтией и названными странами - в 4-6 раз. Даже преуспевающие страны Вышеградской группы имеют разницу с Германией, Францией или Австрией в 3-5 раз. Существует очевидная зависимость между ценой рабочей силы (которая повышается) и заинтересованностью иностранного капитала, прежде всего европейского, в присутствии в этом регионе. Отсюда сначала приход капитала в Польшу, Чехию, Венгрию. Потом - частичный уход оттуда в Словакию. Потом в Болгарию, Румынию, а в годы кризиса бегство и оттуда. Из государств ЦВЕ стали активно

репатриировать прибыли. Из Венгрии, например, вывозится более 1 млрд. долларов полученных прибылей транснациональными корпорациями. Внутренних финансовых источников у государств ЦВЕ фактически нет.

Проанализировав кризис, мы сделали в своих исследованиях следующие выводы. Первый - нельзя догнать развитые страны, опираясь на их капитал. В Латвии, в банковском секторе, объем выданных кредитов был в 3 раза выше, чем объем депозитов. Все жили в долг, все заимствовали на внешних рынках, следовательно, судьба экономики этих госу-

дарств будет зависеть либо от динамики мировых финансовых рынков, либо от финансовой помощи. Помощь государствам ЦВЕ была оказана существенная. Венгрия получила 19% ВВП за счет консолидированного кредита стабфонда ЕС, МВФ и Всемирного банка, Латвия - 32% ВВП, Румыния - 15% ВВП.

Второй вывод: совершенно очевидно, что была эйфория. Очень хотелось жить, как в Европе. Брюссель всех проблем ЦВЕ решить не может, решать нужно самим, поэтому желание жить, как в Европе, не соответствует возможностям. Садиться на кредитную иглу ради фик-

тивного повышения доходов - очень опасно. Цена рабочей силы существенно выросла за эти годы, при этом производительность труда росла за счет снижения численности занятых.

Третий вывод: однобокая экономика. Страны ЦВЕ гордились: у нас созданы сборочные производства, пришли современные транснациональные корпорации. Словакия, например, первая в мире страна по числу производимых автомобилей на душу населения. Но в условиях мирового кризиса сидеть на одном стуле нельзя. То, что производила Словакия, было поддержано государственными программами во Франции и Германии (обмен автомобилями и т.д.), иначе неизвестно, что было бы со страной. Работать только на экспорт нельзя, нужно работать на внутренний рынок, а для этого нужно повышать покупательную способность населения. А как ее повышать, если страны имеют дуальную экономику, то есть связанную с иностранным капиталом, и фактически разрушенную - национальную. Предприятия под иностранным контролем создают в Словакии 1/2 ВВП, в Румынии - 2/3 ВВП. В Польше, которая имеет широкий внутренний

рынок, проводя умную политику и являясь исключением, - 1/3 ВВП. Доля занятых на предприятиях под иностранным контролем составляет в Словакии - 1/3, в Румынии - 1/5, в Польше - 1/4, в Венгрии - 1/2. Совершенно очевидна необходимость укрепления здоровой роли государства, и здесь появляются существенные ограничения со стороны общей политики Европейского союза.

Может ли Россия помочь в этом случае? Еврокомиссары им уже не раз говорили, что помимо Западной есть еще и Восточная Европа.

Оганесян А.Г.:

У меня сразу будет к Вам вопрос по поводу Китая. Вы говорили о гравитационной силе и о других центрах притяжения, насколько эффективно Китай может работать с ЦВЕ или уже работает?

Глинкина С.П.:

Китай работает абсолютно везде. Надо сказать, что Китай, как метастазы при раковом заболевании. Можно сказать, что Вы задели мое больное место, я обожаю Китай. Это такая цивилизация, которую можно разгадывать бесконечно. Прямой интеграции быть не может, но сотрудничество будет. Через Россию гравитацию с

Китаем не создашь, но он будет действовать во всех регионах. Для Китая страны Центрально-Восточной Европы не очень интересны, только как место сбыта своей продукции. Рабочая сила у них гораздо более дешевая, огромный научно-технический потенциал. В структуре быстро увеличивающегося товарооборота с Россией в их экспорте машины и оборудование вполне соответствуют доле, которая есть в Центрально-Восточной Европе, т.е. это не поле для кооперации - только для сбыта.

Стерник А.В.:

Добавлю немного об экономической ситуации, валютном союзе, зоне евро и в целом ЕС. Для нас это серьезная проблема. Проблема не в меньшей степени стран ЦВЕ, многие из которых имеют значительные запасы евро в центральных банках, и, разумеется, поиск механизмов выхода из второй волны кризиса сейчас для всех актуален.

Наблюдается достаточно слабая солидарность стран еврозоны и недостаток политической воли для принятия решений. Франция и Германия - это локомотивы экономического развития, но в позициях они не всегда сходятся. Это учитывают страны ЦВЕ и начинают

смотреть по сторонам в поисках возможных иных вариантов решения своих экономических проблем. Варианты мягкого привода, которые реализованы в политике Восточного партнерства, - та самая палочка-выручалочка, которая впоследствии может микшировать некоторые проблемы европейской экономики. Она хороша в теории, а на практике пока есть много вопросов. Политика ВП - это не то же самое, что подготовительный класс для вступления в Евросоюз. Все-таки это политика соседства прежде всего. Речь идет о соседях, а не странах - членах Евросоюза. Поэтому ВП не предусматривает перспективу вступления. Речь идет о соглашениях, об ассоциации, очень глубокой интеграции, о создании зон свободной торговли, об облегчении визового режима, но не более того. Причем не со всеми странами. С Белоруссией сейчас, на данный момент, процесс согласования соглашения об ассоциации не происходит. При этом нарастают новые тенденции в диалоге ЕС и фокусных государств в рамках ВП с упором на реформирование демократических институтов, развитие рычагов энергетической безопасности, что так или иначе может по-

высвить конфликтогенность всей этой конструкции.

Ожидания от ВП на этапе его возникновения были очень высокими. Но на практике не видно ни крупных консолидирующих инвестиций, ни широкой проектной базы. Финансовые ресурсы, которые выделены странами ЕС на ВП, - это копейки. В год на страну полагается 20 млн. евро, причем в зависимости от степени ее готовности выполнять условия ЕС: не хватает собственных денег. Восточное партнерство, по сути дела, «на бобах», а финансовый пакет 2014-2020 годов Евросоюза будет означать, что начинается очень серьезное сражение за средства для различного рода макрорегиональных стратегий и лоббистам ВП будет нелегко. Как на практике высокие цели ВП будут реализовываться, достаточно большой вопрос.

Хотькова Е.С.:

Меня настораживает акцентирование ценностной составляющей восточного партнерства: больше демократии - больше помощь. Не будет ли этот принцип распространен и на Россию?

Стерник А.В.:

Непонятно, какую добавленную стоимость Восточное партнерство несет по сравнению с двусторонним

сотрудничеством отдельных стран с Евросоюзом. Были очень завышенные ожидания до саммита ВП в Варшаве, когда, по нашим сведениям, поляки настаивали на том, чтобы открыть перспективу членства в ЕС «шестерке» фокусных государств, а также вести дело к полной экономической интеграции, отбросить в сторону идею облегченного визового режима, создать безвизовое пространство. Была такая задача максимум, но она не была реализована. Многие страны выступили категорически, и это породило очень серьезное разочарование в шести фокусных государствах. Обнаружились серьезные расхождения внутри самой фокусной группы по степени готовности интегрироваться в Европу. Украина, Молдова проявляют высокий уровень политической воли, в то время как Азербайджан более осторожен. Армения находится где-то посередине. Белоруссия, в силу объективных причин, переживает кризис с Европой, но тоже стоит перед непростой дилеммой, поскольку Восточное партнерство дает ей определенные каналы решения своих проблем с Евросоюзом. Пока это предлагается Белоруссии сделать слишком до-

рогой ценой.

Россия не участвует в Восточном партнерстве, но, разумеется, не равнодушна к его эволюции, поскольку речь идет о наших естественных соседях и мы являемся партнером Евросоюза. На нашей территории, с нашим участием реализуется довольно большое количество проектов. Речь идет не о рудиментах, доставшихся нам от распада СССР, а о новых интеграционных проектах, основанных на передовых достижениях. Многие из них учитывают нормы ВТО. Таможенный союз делался именно с таким расчетом.

Мы откровенно говорим Брюсселю, что наши интеграционные векторы не должны конфликтовать, а должны гармонично сочетаться.

В зависимости от того, насколько честной будет игра в рамках ВП, будет зависеть и участие России в нем. Мы готовы откровенно обсуждать все это, смотреть, насколько консолидирующим будет та или иная интеграционная задумка Восточного партнерства.

Оганесян А.Г.:

Следующий докладчик - Орлик Игорь Иванович, главный научный сотрудник Института экономики

РАН. Тема - «Россия во внешнеполитической ориентации стран ЦВЕ».

Орлик И.И.:

Восточное расширение ЕС оказало большое влияние на формирование и дальнейшее развитие отношений Евросоюза и его новых членов с Россией. При этом явно ощущается зависимость отношения к России «младонаатовцев» от политики их патронов: США и Евросоюза.

Серьезным просчетом политики России на рубеже XX и XXI веков являлось фактическое игнорирование стран Центральной и Восточной Европы как партнеров в решении важных внутренних и международных проблем. Новое руководство России недооценивало значение для страны отношений с Восточно-Европейским регионом, а государства этого региона, в свою очередь, не видели в России выгодного и надежного партнера. Напротив, они демонстративно подчеркивали свою отчужденность от бывшего союзника.

Осознание российским руководством необходимости проведения активной политики в отношении государств ЦВЕ, разработка специальной внешнеполитической концепции применительно к ним могли бы эффективно

содействовать решению многих проблем процесса трансформации и в России, и в Центральной и Восточной Европе, а также способствовать оздоровлению складывающегося здесь геополитического положения. Однако многие факторы препятствуют развитию этого процесса. Не в меньшей степени, чем вхождение в НАТО, на отношения России со странами Центральной и Юго-Восточной Европы повлияло и присоединение последних к Евросоюзу. Хотя экономические отношения стали восстанавливаться, но гораздо медленнее, чем это было возможно. «Восточное» расширение Евросоюза существенно повлияло и на международно-политическое положение ЕС, и на внешнюю политику его старых и молодых членов. Говорить о превалировании позитивных тенденций этого процесса над негативными (или наоборот) к началу второго десятилетия XXI века вряд ли возможно.

Можно лишь с определенной уверенностью утверждать, что и новая международная, и европейская - сложившаяся в ходе (а не в результате!) «восточного» расширения ЕС - ситуации оказывают важное воздействие на приспособ-

ление «младоевропейцев» к формирующейся Большой Европе.

В процессе расширения трансформируется и сам Евросоюз. Как отмечают исследователи ЕС, в современном мире Евросоюз уже стал заметным центром силы, причем «европейские лидеры абсолютно открыто говорят о намерении ЕС стать сверхдержавой», лимитирующей претензии США на единоличную гегемонию в мире. Однако многие факторы говорят, что намечаемое расширение ЕС на Восток скорее отдаляет, чем приближает эту цель.

Руководители ЕС видят одну из миссий Евросоюза в том, чтобы «распространить на восточноевропейские страны те ценности, на основе которых мы создаем ЕС». В то же время они утверждают, что «Евросоюзу надо набраться больше сил и стать более сплоченным, прежде чем он сможет совладать с включением в сообщество восточноевропейских стран».

Уже сейчас, в начале второго десятилетия XXI века, проявляются сложности во взаимоотношениях «старой» и «молодой» Европы, да и между новичками развивается острая конкуренция. Оправдывается

прогноз: «Вступление государств ЦВЕ в ЕС не преодолет раскола Европы, а разногласия и противоречия в ЕС будут нарастать. Усилится тенденция к возникновению членом второго сорта».

Французский исследователь Поль Тибо, отвечая на вопрос, какой курс нужен Европе, следующим образом характеризует современную общеевропейскую взаимозависимость и особенности сотрудничества: «Условием жизнеспособности европейской демократии является стремление не к всеобщей унификации, а к единству при сохранении разнообразия, что требует разграничения между различными сферами и уровнями интеграции. Во-первых, это создание фундамента общего европейского пространства - открытого и в то же время разделенного, во-вторых, выработка совместной политики строительства единой Европы и, наконец, организация свободного сотрудничества в европейском масштабе».

Таковы пожелания. А какова реальность? Вот лишь некоторые выводы, к которым приходят исследователи общеевропейской ситуации.

В Европе ощущается общее предчувствие катастрофы, которое пронизывает все мировое общество в XXI

веке. На самом континенте все больше расширяется конфликтное пространство, никто не представляет, куда идет Европа.

Угроза безопасности стала гораздо большей, чем в годы холодной войны. Процесс разоружения прекратился. НАТО и ОБСЕ уже не считают своей первоочередной задачей обеспечение европейской безопасности, переместив свою деятельность далеко за пределы европейского континента. А их активность на юге Европы стала противоречить ее интересам.

Произвольное выделение при содействии НАТО и ОБСЕ Края Косово из Сербии и провозглашение его независимости создало опасную международную напряженность не только на Балканах, но и оказало дестабилизирующее воздействие на другие европейские регионы.

Дальнейшее развитие ситуации в Европе, и прежде всего в расширившемся Евросоюзе, может быть обеспечено более конструктивной, чем ранее, политикой Соединенных Штатов. Но ощущаются явные симптомы переориентации американской стратегии, которая «вышла на новые рубежи, за которыми Европа - это уже не цент-

ральная ось, а региональный уровень, это пройденный этап глобализации».

В таком случае независимая Россия и независимая (от США) Европа могут стать «системообразующим фактором» международных от-

ношений и обеспечить более перспективное будущее всего европейского сообщества.

Оганесян А.Г.: Кажется, что обсуждение удалось! Благодарю всех участников дискуссии!

Редакция журнала "Международная жизнь"
Главный редактор **Армен Оганесян**

Адрес в интернете: <http://www.interaffairs.ru>,
электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Руководитель электронного издания -
Валентина Злобина

Адрес: 105064, Москва,
Гороховский переулок, 14
Телефон: +7 (499) 265-37-81
Факс: +7 (499) 265-37-71

Расшифровка -
Элана Толлю, Елена Шашкина

Макет -
Антон Пантюхин

Дизайн, верстка -
Максим Ковшенков

Фотографии -
Владимир Андрюшин